

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

Три дня

«Public Domain»

1911-1912

Горький М.

Три дня / М. Горький — «Public Domain», 1911-1912

«“Хорошо дома!” – думал Назаров в тишине и мире вечера, окидывая широким взглядом землю, на десятки вёрст вокруг знакомую ему. Она вставала в памяти его круглая, как блюдо, полно и богато отягощённая лесами, деревнями, сёлами, омытая десятками речек и ручьёв, – приятная, ласковая земля. В самом пупе её стоит его, Фаддея Назарова, мельница, старая, но лучшая в округе, мирно, в почёте проходит налаженная им крепкая, хозяйственная жизнь. И есть кому передать накопленное добро – умные руки примут его...»

© Горький М., 1911-1912

© Public Domain, 1911-1912

Содержание

I	5
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Максим Горький

Три дня

I

Мельник Назаров не торопясь подъехал к воротам, степенно вылез из брички, снял картуз и, крестясь, глядя в небо, сказал работнику Левону:

– Пошупай левую переднюю у коня.

Неласково, подозрительно посмотрел на старый, осевший в землю дом – в два маленькие его окна, точно в глаза человека, кашлянул и грузно опустился на лавку у ворот, помахивая картузом, чтоб отогнать надоевшего шмеля.

– Татьян!

Лысый Левон тенористо ответил со двора:

– На реку пошла, белье полоскать.

– Баню топили?

– А как же!

За рекою, на жёлтых буграх песка, вытянулся ряд тёмных изб, ослепительно горели на солнце стёкла окон, за селом поднималось зелёное облако леса. По эту сторону, на берегу, около маленького челнока возился мужик.

«Стёпка Рогачёв, пёс», – мысленно отметил мельник.

– А ногу-то мерину зашиб ты! – сказал Левон, выглядывая за ворота.

– Позови Дашку. А Николай где?

– Николай – ковши чинит, слышь – стучит? Дарья-а! Она в огороде, поди-ка!

Почёсывая болевшую спину о брёвна и расправляя усталые ноги, хозяин бормотал:

– Города эти... Зовутся – мощёны улицы, а – яма на яме! Как ни съездишь – всё, гляди, чего-нибудь испорчено...

Со двора выскочила Дарья, большая, растрёпанная, курносая, с двумя красными опухольями на месте щёк.

– Здравстуйти!

Дважды качнула головой и, подняв руки, начала быстро закручивать белесые, выгоревшие волосы.

Назаров, неодобрительно посмотрев на неё, плюнул, отвернулся в сторону.

– Застегнулась бы, лешая, чего с голыми грудями бегаешь! Возьми одежду, встряхни, да самовар наставь...

– Есть тут когда застёгиваться! – сердито ответила девушка, прикрывая грудь большой грязной рукою.

Она надула губы, густые брови её, сойдясь, опустились на синие маленькие глаза, и, тяжело топая босыми ногами, пошла прочь, шмыгая носом.

Глядя вслед ей, мельник подумал:

«Был бы я моложе, не щеголяла бы эдак-то! Я б тебя застегнул на все крючки...»

С устатку у него ломило кости и тело обняла размычивая лень. Надо бы посмотреть, что делает сын, но старик вытянул ноги, опёрся спиною о стену и, полужакрыв глаза, глубоко вдыхал тёплый воздух, густо насыщенный запахами смол, трав и навоза.

– Сто-ой! – покрикивал Левон, управляясь с лошадьёю. В тишине чётко стучал молоток по шляпкам гвоздей, на реке гулко ботали вальки¹, где-то на плотине звенела светлым звоном

---

¹ Длинные, плоские, слегка выгнутые, по одной стороне ребристые бруски с рукояткой для катания белья на скалке, для

струя воды. За селом, над лесами, полнеба обнял багровый пожар заката, земля дышала пахучей жарой; река и село покраснели в лучах солнца, а кудрявые гривы лесов поднимались к небу, как тёмные тучи благоуханного дыма.

Ой, девицы-девушки-и-ой!

- поёт Дарья высоким голосом.
- Левон! – слышен негромкий молодой голос.
- Ай?
- Али отец приехал?
- Ну да!
- Что ж ты не сказал, лысый?
- А сам-от не слышишь?

Не ходите о́полночь, э-эй!

– заунывно тянет Дарья.

«Хорошо дома!» – думал Назаров в тишине и мире вечера, окидывая широким взглядом землю, на десятки вёрст вокруг знакомую ему. Она вставала в памяти его круглая, как блюдо, полно и богато отягощённая лесами, деревнями, сёлами, омытая десятками речек и ручьёв, – приятная, ласковая земля. В самом пупе её стоит его, Фаддея Назарова, мельница, старая, но лучшая в округе, мирно, в почёте проходит налаженная им крепкая, хозяйственная жизнь. И есть кому передать накопленное добро – умные руки примут его...

По лесу, по тёмному-о-о...

«А Дашка напрасно воеет!» – подумал старик, кашлянув.

Мысль о работнице тотчас же вызвала другую: «Шибко начал я стареть! Пять-то десятков с семью годами – велико ли время?»

Вышел за ворота сын, кудрявый, со стружками в волосах, с засученными по локоть рукавами, без пояса, коренастый, широкогрудый.

- А я тебя ищу – где, мол, батя?
- Разморило меня.
- Ладно съездил?
- Ничего. Лошадь вон приступает...

Оглянув мокрую, выпачканную тиной и смолой одежду сына, потное скуластое лицо его, он повторил:

– Ничего, хорошо!

Тёмные, немного прищуренные глаза Николая улыбались, – старик не любил эту улыбку. На верхней губе и подбородке парня проросли кустики тёмных волос – это имело такой вид, будто Николай ел медовый пряник и забыл вытереть рот.

- Починил ковши?
- Завтра доделаю.
- Долго возишься!
- А – куда спешить? Молоть – нечего.

От сына шёл горячий запах пота – старик оглядел крепкую шею, круглые плечи и ласково расправил сердитые морщины под глазами.

– Привёз тебе подарок – понравилась одна вещь! Ты ленишься, а я тебя вот одариваю...

Николай любопытно заглянул в лицо отцу и, следя за рукой, опущенной в карман шаровар, начал вытирать свои ладони подолом рубахи, встряхивая курчавой головой.

– Идите чай-от пить! – донёсся громкий голос Дарьи.

Отец осторожно подал сыну маленький свёрток и смотрел, как Николай молча и внимательно развязывает узлы платка, бумаги.

– Часы-и! – сказал он, вытягивая вперёд руку.

– Я те к пасхе хотел, да не вышло. Тебе – щеголять полагается. Одиннадцать с полтиной дадено за них!

– Тяжёлые, словно кистень!

Пошли тихонько во двор. Николай нёс часы на ладони, взвешивая их, они сверкали холодным блеском. Крякнув, старик хмуро напомнил ему:

– Может, спасибо скажешь?

– Спасибо, тятя! – быстро проговорил сын.

– То-то!

– Стало быть – хоть завтра надену?

– Как хошь.

Гнали стадо. Разноголосое мычание коров, сглаженное далью, красиво и мягко сливалось с высокими голосами женщин и детей. Звучали бубенчики, растерянно блеяли овцы, на реке плескала вода, кто-то, купаясь, ржал жеребцом.

В огороде, около бани, под старой высокой сосной, на столе, врытом в землю, буянил большой самовар, из-под крышки, свистя, вырывались кудрявые струйки пара, из трубы лениво поднимался зеленоватый едкий дым.

– Ну и дуря! – садясь за стол, сказал старик. – Комаров нет, а она насовала в трубу травы! Эка дуреха!

– Работница хорошая, – молвил сын, умело наливая чай. – Одиннадцать, говоришь, дал за часы-то?

– С полтиной. А что?

– Так!

Он вздохнул и, глядя в сторону, пояснил:

– Яким Макаров, урядник, продаёт часы; приторговывал я, так он, в последнем слове, девять просил. За семь отдал бы...

– Старые?

– Года не носил.

Старик тревожно крякнул, отодвинув пустой стакан.

– Всё, чай, хуже этих, моих-то? – спросил он хмуро и ворчливо.

– Я те принесу, покажу. Увидишь – не хуже. По нужде продаёт, – предложил сын.

Оба с минуту молчали, неторопливо и громко схлёбывая с блюдец чай; над ними широко раскинула тёмно-зелёные лапы двойная крона сосны, – её рыжий ствол на высоте аршин четырёх от земли раздвоился, образуя густой шатёр.

– Стало быть, – заговорил старик, – зря прокинул рубля четыре.

И, сурово глядя в лицо сына, продолжал:

– А всё ты! Никогда ты отцу ничего не скажешь, живёшь потайно! Чем бы плановать свои планы про себя да тихомолком, тебе бы с отцом-то посоветоваться! А так – вот и выходит убыток! Скажи ты мне про эти часы вовремя...

Николай усмехнулся.

– Почто ж говорить? Ты бы подумал – напрашиваюсь я...

– Подумал, подумал, – бормотал отец.

Приподняв брови, он беспокойно стучал донцем ложки о край стола и смотрел на Николая круглыми глазами филина; они уже выпцвели, и зрачки их были покрыты частою сетью тонких красных жилок. Лоб у старика – высокий, со взлизами лысины, восходившей от висков, обнажая большие, заросшие шерстью, звериные уши. С темени на лоб падали клочья сивых волос, под ними прятались глубокие морщины, то опускаясь на лохматые брови, то одним взмахом уходя под волоса. Хрящеватый нос, в густой заросли усов и бороды, казался маленьким.

– Почём ты знаешь, что бы я подумал? У отца и попросить можно, не велик стыд! А ты вот никогда ничего не попросишь. Гордость эта ваша, теперешняя...

– Мне ничего не надо, – отозвался Николай спокойно.

– Как – не надо? – сердито крикнул отец.

Сын поднял узкие глаза и спросил:

– Зачем же сердиться?

Старик поглядел на кружевные гряды, седоватую зелень вётел, радужные окна бани.

– Не сержусь я, – вздохнув, сказал он. – А – только беспокойно! Вот зимою двадцать два тебе; уготовал я для тебя жизнь хорошую, достаток, и почёт, и всё, – а ты холодный ко всему. Подарил тебе вещь – хвать – в цене ошибся...

На дворе перекликались бабы:

– Дашка-а! Где ж верёвки-то, растяпа?

– Да в огороде жа! – глухо, точно из-под земли откликнулась Дарья.

Со стороны села медленно текли возгласы людей, заглушенный лай собак; день засыпал, веяло усталостью и ленивою жаждою тишины.

На скуластом лице Николая лежала тень скуки, он крутил пальцами тёмный пушок на подбородке, а другой рукой, как бы отсчитывая минуты, часто хлопал себя по колену.

– Ни с девками ты, ни куда! – задумчиво продолжал старик. – Оно хорошо, конечно. И вина не пьёшь, и грамотен, книжки эти у тебя – я ничего не говорю! Однако – непонятно, – парень такой здоровый...

Он пристально посмотрел в лицо сына, спросив потише:

– Ты Дашку не трогаешь?

– Она, чай, не пара мне...

Старик усмехнулся.

– Не про женитьбу говорю я, знаю, что не пара...

– А ребёнок если? – спросил сын, искоса взглянув на отца.

– Эко! Мало девки родят...

– Ну, зачем их трогать...

– Коли бабы есть. Дело – твоё! Только, гляди, бабы – подлые. Ехал я – думал про тебя: пора тебе жениться. Чего ждать?

– Не опоздаю.

– Всё пошло иначе: раньше, бывало, оглядят отец-мать девку, на – живи! А теперь вот... И дружбы твоей с разными людьми не понимаю я.

– Говорил ты про это! – сказал сын, смахивая ладонью со стола пролитый чай.

Доили корову, было слышно, как струя молока бьёт в подойник. С колокольни сорвался удар колокола, за ним другой и третий – благовестили торопливо, неблагозвучно.

– Говорил, да! – крестясь, молвил старик и, загибая пальцы рук, начал считать: – Ну, учитель, это ничего, человек полезный, сельское дело знает и законы. И Яков Ильич – ничего, барин хозяйственный. А какой тебе друг Стёпка Рогачёв? Бобылкин сын, батрак, лентяй, никого не уважает... Мать – колдунья...

Голос старика гудел однообразно и жалобно, напоминая отдалённое пение нищих.

– Кого ему уважать? – неожиданно и, должно быть, невольно спросил Николай, вздохнув и оглядывая огород скучающим взглядом.

– Это тебе – некого, а он – всех должен...

Над сосною в густом синем небе плыло растрёпанное жёлтое облако. Все звуки разъединились и, устало прижимаясь к земле, засыпали в теплоте её.

Татьяна, вдова, двоюродная сестра мельника, высокая, с багровым сердитым лицом и большим носом, внесла в огород тяжёлую корзину мокрого белья, покосилась на брата с племянником и начала, высоко вскидывая руки, разбрасывать бельё на верёвки.

– Что не здороваешься? – хмуро спросил мельник.

– Здравствуй...

Николай не торопясь встал, спрашивая отца:

– В церковь не пойдёшь?

– В баню пойду. У меня спину ломит. Ты бы сам ходил почаще, в церковь-то!

– Когда надо – я хожу ведь...

– Чего станешь делать?

– На село сбегая. Зворыкин приехал, может, денег получу с него...

– Татьян, собери-ка меня в баню.

– Дай вот стираемое развешаю...

Назаров сердито ударил рукою по столу.

– Делай что велят!

Женщина, высоко вздёрнув голову и вытирая мокрые руки подолом, ушла из огорода, а мельник, собрав бороду в кулак, наклонился над столом, точно кот, готовый прыгнуть на крысу.

Выйдя на двор, Николай остановился, покачал головой. Левон, подмигнув молодому хозяину, сказал:

– Воюет воевода?

Хозяйственно осмотрев двор, покрытый слоем чёрной жирной грязи, глубоко истоптанной скотом, Николай попросил:

– Поди, Левон, приberi в колесе струмент!

Из коровника высунулась растрёпанная голова Дарьи.

– В баню он, что ли? – тоскливо спросила девушка.

– Да.

– Ой, господи! – заныла она. – Неужели мне опять мыть да растирать? Николай Фаддеич, соромно мне! Эку моду завёл, – али я на это рядилась?

Из-под мышки у неё высунул морду телёнок и неодобрительно мычал, как бы соглашаясь с нею.

– С ним толкуй об этом, а не со мной, не меня моешь! – сухо сказал парень, уходя со двора.

– У-у, черти! – донеслось вслед ему тихое восклицание.

«Сами вы черти!» – мысленно возразил он и, лениво сплюнув, пошёл к реке, держа руки за спиной и покачиваясь на крепких ногах.

Без шапки, босый, в изорванном пиджаке поверх грязной рубахи, в шароварах, выпачканных тиной, он был похож на батрака. Но скуластое лицо, холодное и сухое, вся осанка его показывали в нём хозяина, человека, знающего себе цену. Идя, он думал, что парни и девки на селе, как всегда, посмеются над его одеждой, и знал, что, если он, молча прищурив глаза, поглядит на шутников, они перестанут дразнить Николая Фаддеевича Назарова. Пусть привыкают узнавать попа и в рогоже.

Ещё издали он увидел около сваи моста маленький челнок, рыбака в нём и, взойдя на мост, крикнул:

– Степан!

Не шевелясь, рыбак отозвался:

– Ну?

– Павел Иваныч приехал?

– Приехал.

Сверху был виден череп с коротко остриженными волосами, угловатый и большой, согнутая спина, длинные руки. Из-под челнока бесшумно разбегались тонкие струйки, играя поплавками удочек. Дальше по течению эти струйки прятались, и вода, спокойная, гладкая, отражала в тёмном блеске своём жёлтые бугры берега, бедно одетые кустами верб.

Назаров отошёл в сторону шага на три и, наклонясь через перила, стал рассматривать своё отражение в воде – видел сероватое мутное пятно, оно трепетало там, внизу, точно хотело оторваться от неё, взлететь вверх. Это было неприятно.

– Берёт?

– Семерых поймал. Христину видал?

– Вчера видел, – сказал Николай, закрыв глаза.

Плюнув сквозь зубы, Назаров попал в свое отражение, оно задрожало, точно обидясь, исказилось ещё более – Николай сердито нахмурился и пошёл дальше.

– Ты – куда? – донеслось до него из-под моста.

– На село.

Рыбак молча протянул руку с удилищем вперёд, из-под челнока обильно и быстро побежали струйки, рисуя тонкий узор, напоминавший о распущенной косе девушки.

Поднявшись по съезду, прорытому в песке берега, Назаров снова повернул к реке и встал на краю обрыва, держа руки в карманах, высоко вздёрнув голову.

Река Болома, образуя тёмные и тихие заводи и омуты, обрывы и жёлтые, пологие мыса, размашисто текла по дну широкой котловины, направляя на запад тёмные, илистые воды. По левому берегу бесконечно тянулся лес князей Кемских – древний сосновый бор, правильно разрезанный просеками; ряды стволов отражались в реке красноватыми колоннами, окрашивая воду в ржавый цвет. Правый берег мягкими увалами уходил в дали; тёплые, жёлто-зелёные волны хлебов были одеты в этот час тенями вечера. С высоты обрыва земля казалась доброй, тучной, богатой сытными злаками, от неё шёл здоровый потный запах и будил в груди Николая его любимые мечты.

Вытянув шею, он пристально всматривался в даль, и там, в петле реки, на высоком бугре, увенчанном маленькою рощею осин и берёз, воображение его строило большой каменный дом с зелёными ставнями и башней на крыше; вокруг дома – подкова крепко сложенных, крытых железом служб, а от подножия холма во все стороны разноцветными полосами лежат пашни. С крыши дома зоркому глазу будет виден большой круг земли и все работы людей на окрестных полях. На горке перед домом – фруктовый сад; яблони и вишни окурят весною дом медовыми запахами...

Из глубин небесных тихо спускались звёзды и, замирая высоко над землёю, радостно обещали на завтра ясный день. Со дна котловины бесшумно вставала летняя ночь, в ласковом её тепле незаметно таяли рощи, деревни, цветные пятна полей и угасал серебристо-синий блеск реки.

Чем темнее становилось вокруг, тем всё более ярко вставал перед глазами Николая красный кирпичный дом, замкнутый в полукольце сада, пышно убранного белыми цветами.

«Каменной стеной обведу сад, – думал он, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, – а Христина разведёт птицу, голов триста, бить будем её к рождеству...»

Всё давно было обдумано, он любовно измерил и разметил всю землю, почти каждый день в свободные часы пересматривал свои планы, вспоминая их, как прилежный ученик свой урок.

Жарко горел перед ним образ будущей хозяйки дома; высокая, на голову выше его, полногрудая, сильная, она гордо и плавно ходит по двору среди крикливой птицы, её густые брови хозяйственно нахмурены, глаза всё видят, всё замечают. Вот она идёт по саду – розовато-белый бархат лепестков осыпает её крутые плечи; вот он вместе с нею на башне – сидят они обнявшись и смотрят на свои поля, на свою землю. В доме будет одна большая комната, а среди неё круглый стол, человек на десять, как у Якова Ильича; по праздникам за этот стол сядут лучшие люди округа.

– Вот он, Николай-то Фаддеич, – скажут они, – мужик, а хозяйство устроил не хуже барина!

Тоскливое желание поскорее увидеть эту свободную, красивую жизнь охватило Назарова душным жаром, он глубоко вздохнул, нахмурился и неохотно поглядел туда, где стояла отцова мельница, надоевшая и ненужная ему.

В ночной темноте приземистые, широкие постройки отца, захватившие много земли, лежали на берегу реки, сливаясь вместе с деревьями в большую тяжёлую кучу, среди неё горели два красных огня, один выше другого. Мельница очертаниями своими была похожа на чью-то лобастую голову, она чуть поднялась над землёю и, мигая неровными глазами, напряжённо и сердито следит за течением своевольной реки.

Сегодня вода плывёт спокойно, но – теперь лето, работать нечего, и сила реки пропадает бесполезно; осенью, в дожди, она станет непокорной и опасной, требуя непрерывного внимания к своим капризам; весной – выйдет из берегов, зальёт всё вокруг мутной холодной водой и начнёт тихонько, настойчиво ломать, размывать плотину. Уже не однажды на памяти Николая она грозила разорением, заставляя непрерывно работать дни и ночи, чтобы побороть её неразумную силу.

Внизу под обрывом родился тихий плеск – там, по тёмному лону реки, точно муха по стеклу, скользил челнок.

– Это ты, что ли, Николай? – тихо спросил рыбак.

Назаров не ответил, прислушался к мерным вздохам воды под ударами вёсел и подумал: «Не спешит! Некуда ему спешить».

Кончилась всенощная. Был слышен гул и движение людей. Тявкали собаки, топали кони, собираясь в ночное, чей-то унылый голос безответно тянул:

– Ва-анька-а... ужи-ина-ать...

II

Недалеко от мельницы Назарова, на пути реки Боломы, встал высокий холм – река срезала половину его, обнажив солнцу и воздуху яркие полосы цветных глин, отложила смытую землю в русло своё, наметала острый мыс и, круто обогнув его вершину, снова прижалась к пёстрому берегу.

На мысу рос тальник, стояла маленькая грязная водокачка, с тонкой высокой трубой на крыше, а за мысом, уютно прикрытая зеленью, встала полосатая купальня, синяя и белая. Берег укреплён фашинником, по склону его полого вырезана дорожка, он весь густо усажен молодым березняком, а с верха, через зелёную гриву, смотрит вниз, на реку и в луга, небольшой дом, приземистый, опоясанный стеклянной террасой, точно подавленный антресолями, неуклюжей башенкой и красным флюгером над нею.

Николай Назаров обогнул мыс, ловко загребая одним веслом, причалил, взял вёсла и выскочил на мостик купальни. Посмотрев в воду, как в зеркало, парень пригладил волосы, застегнул вышитый ворот рубахи, надел жилет, взглянул на часы и, взвесив их на ладони, неодобрительно покачал головою. Потом, перекинув через руку новый синий пиджак, не спеша пошёл в гору, двигая мускулами лица, точно выбирая выражение, с каким удобнее войти наверх.

Но когда, выйдя на площадку перед террасой, он увидел Якова Ильича Будилова, – его лицо само собою приняло выражение почтительное, серьёзное и диловатое.

Тихий барин сидел в тени берёз за большим столом, в одной руке он держал платок, а другою, с циркулем в ней, измерял что-то на листе ослепительно белой бумаги. И сам он был весь белый, точно снегом осыпан от плеч до пят, только шея, лицо и шляпа – жёлтые, разных оттенков, шляпа – ярче, а кожа темнее. Над ним кружились осы, он лениво взмахивал платком и свистел сквозь зубы.

Назаров снял картуз, шаркая по земле толстыми подошвами сапог. Яков Ильич выпрямил спину, вытянул под столом тонкие длинные ноги и несколько секунд молча смотрел сквозь круглые очки в лицо гостя, потом его редкие, жёлтые усы, концами вниз, дрогнули, обнажив чёрные зубы.

– Ага, это вы? – сказал он глуховато, мягко и в нос.

Николай подвинулся к столу.

– Доброго здоровьица!

– Спасибо! – ответил Будилов, вертя между пальцами циркуль.

– Я вам не помешаю?

– Нисколько! Садитесь. Но вот что я вам скажу: каждый раз, приходя ко мне, вы говорите: «Доброго здоровьица» и потом спрашиваете: «Я вам не помешаю?» Так?

– Точно так, – согласился Николай, вздохнув.

– Ну, иногда надобно сказать что-нибудь другое, как-нибудь иначе. Например: «Добрый день!» И спросить: «Как здоровье?»

Говоря, барин заставлял циркуль ходить по бумаге, а Николай слушал и рассматривал человека, всегда внушавшего ему стеснительное чувство, связывавшее язык и мысли. Лицо барина напоминало китайца с вывески чайного магазина: такое же узкоглазое, круглое, безбородое, усы вниз, такие же две глубокие морщины от ноздрей к углам губ и широкий нос. Стёкла очков то увеличивали, то уменьшали его серенькие глаза, и казалось, что они расплываются по лицу.

– Ну, как живёте?

– Ничего-с.

Барин собрал нос в комочек.

– Вот опять слово-ер...

– Привычка, – виновато сказал Николай.

– Дурная!

Глядя в лицо парня усталым взглядом глаз, Будиллов загудел скучноватым баском:

– Дурная-с! Это прилично лакею. Вы же не лакей, а крестьянин. Да. Если лакей не скажет слово-ер – ему не дадут на чай.

Сдвинув шляпу на затылок, обнажив голый череп, сунул руки в карманы и, рассматривая белые башмаки свои, продолжал:

– Ведь вы же не говорите Покровскому слово-ер?

Николай, почтительно улыбаясь, ответил:

– Господин Покровский учитель, он живёт за наш, крестьянский счёт, значит – человек служащий, а вы – другое дело-с, как же...

Барин распустил нос по лицу, сожалительно чмокая.

– Ай-яй! Ну, какое же, батенька, другое дело! Это же всё равно! Я же вам объяснял: учитель – учит, я строю церкви, вы мелете муку, мы же все делаем дело, необходимое людям, и все мы равно заслуживаем уважения, это же надо понять! Надо уважать всякий труд, это и сделает всех культурными людьми, да, а культурному человеку нельзя говорить слово-ер.

– Я – забыл, – сказал Николай, покраснев и опуская голову под укоризненным взглядом.

– Хотите чаю? – спросил Яков Ильич, сняв и протирая очки.

– Покорно благодарю, не хочется.

– Ну как же не хочется? Потом я покажу вам новый улей.

За стёклами террасы бесшумно мелькала тёмная фигура, доносился тихий звон чайных ложек. Речь хозяина, гудение пчёл, щебетанье птиц – всё точно плавилось в жарком воздухе, сливаясь в однообразный гул и внушая Назарову уныние.

– Что, с отцом – говорили?

Николай приподнял плечи, вертя картуз в руках.

– Нет, не говорил с той поры. Ничего не выйдет, кроме ссоры. Очень уж он привержен к мельнице: «дед был мельником, и я, и тебе это дано...»

– Глупо!

– Именно что глупо! Нет, уж, видно, надо подождать, когда помрёт он.

Яков Ильич кашлянул или усмехнулся и, сняв шляпу, помахал ею в лицо себе.

– М-да – ждать? – протянул он, сморщив нос. – Не очень это удобно мне – ждать...

– Здоровье у него всё слабеет...

– Ну, это, знаете...

– Яша, чай пить, – крикнули с террасы.

Будиллов встал на ноги, сухой, тонкий, белый и весь в новом.

«Словно покойник», – подумал Николай.

– Идёмте! Да не надо же надевать пиджак, – моя мать – не барышня; вот если бы барышни были, ну тогда...

На террасе, за столом сидела дородная, большая старуха, лицо у неё было надутое, мутные глаза выпучены, нижняя губа сонно отвисла, седые волосы гладко причёсаны и собраны на затылке репой. В ответ на поклон Николая она покачнулась вперёд и напомнила ему куклу из тряпок, набитую опилками.

– А не жарко здесь, Яша?

– Везде жарко, – ответил Будиллов, усаживаясь в плетёное кресло. – Надо привыкать, мамаша, – в аду будет ещё жарче...

– Ну-у, – сказала старуха, подбирая губы.

– Там жара доходит до трёхсот градусов.

– Ничего нам не известно про ад...

Сын серьёзно и укоризненно сказал:

– Вы же не знаете, мамаша, а говорите! Между тем семь лет назад один учёный немец был там и всё измерил и узнал. Его спускали на цепях, просверлили дыру в земле – на Кавказе – и спустили! Да.

Старуха, оскалив большие жёлтые зубы, закачалась, говоря:

– Никогда не поймёшь, Яша, шутишь ты или серьёзно! Мне-то ничего, я уж привыкла, а вот он может поверить.

– Я понимаю, что Яков Ильич шутят, – молвил Николай, усмехаясь.

– Шутит! Надо же говорить правильно. Об одном человеке говорится – шутит, а не шутят.

Шутят – черти и актёры.

Назарову стало неловко и обидно.

– Н-да-с, – продолжал архитектор, облизав ложку, которой взял варенье из вазы, и опустив её в стакан. – Вы, конечно, знаете, что все эти черти, леший, ад и прочее – всё это называется предрассудками, суевериями, то есть – чепуха...

– Павел Иванович объяснял...

– Ну вот, это хорошо. Он серьёзный человек, вы его слушайте. Вот видите, – и Будилов постучал пальцем по столу, – я же придерживаюсь совсем других взглядов, чем он, но я говорю – он хороший человек. Это называется воздать врагу должное, и это вы усвойте. Да. Когда Покровский станет говорить о царе, дворянах, начальстве, вообще о политике – вы этого не слушайте, политика для вас не годится. После, когда вы будете хозяином своего дела, – оно вам внушит, какая политика для вас всего лучше. Если у человека нет ничего своего, он не может понимать, что такое государство, и зачем оно, и какой политики надобно ему держаться... Понятно?

– Понимаю.

– Вот, Николай, слушай и помни, – внушительно заговорила старуха, но сын нахмурился, вытянул нос и грустно заявил:

– Чай пахнет мылом...

– Ну что ты, Яша? – беспокойно воскликнула мать. – Пил, пил и вдруг...

– Мамаша! – сказал Яков Ильич, печально покачивая головою. – Пора же вам знать, что земля вообще пахнет мылом. И это же естественно, мамаша, она – жирная и, непрерывно вертась в воздухе, омыливается...

– А ну тебя...

Николай тяжело вздохнул, отирая ладонью пот со лба. Ему не нравилось, как эти люди едят: Будилов брал лепёшки, словно брезгуя, концами тонких пальцев; поднося кусок ко рту, вытягивал губы, как лошадь и морщил нос; потом, ощупав кусок губами, неохотно втягивал его в рот и медленно, словно по обязанности, жевал, соря крошками; всё это казалось парню неприятным ломаньем человека избалованного и заевшегося.

Старуха ела непрерывно, сводя зрачки на кусок и жадно осматривая его, прежде чем сунуть в большой, дряблый рот, собирала крошки на ладонь, как деревенская баба, и сыпала их в рот, закидывая голову, выгибая круглый кадык. Всё время её тусклые глаза ошаривали стол, руки вытягивались за вареньем и лепёшками; короткие, пухлые пальцы хватали крепко. Чувствовалось, что она скупая, всё у неё на счету. Иногда, устав жевать, она тяжело вздыхала, закрыв глаза, но тотчас же хватала чашку, быстро глотала чай, и, обтерев губы салфеточкой с бахромой, рука её снова тянулась за куском, отгоняя мух.

«Мужики, пожалуй, благообразнее едят», – думал Николай, исподлобья следя за движениями хозяев, и думать так ему было приятно. Сам он ел осторожно, немного и старался жевать не чавкая, к чему не привык и что было неудобно для него, а чавкать – не смел, потому что Будилов однажды заметил матери:

– Мамаша, не чавкайте!

Она возмущённо сказала:

– Что ты, Яша, бог с тобою! Разве это я?

– Конечно – вы!

У Назарова зазвенело в голове, точно барин ударил его в ухо, он пробормотал, виновато улыбаясь:

– Это я...

– Да? – будто бы удивился Будилов. – Ну, чавкать при еде – не обязательно.

Он долго, нудно говорил о том, как надобно есть, – Назаров слушал его, опустив глаза, и мысленно, с ненавистью кричал:

«Паяц, лыковая рожа!»

Несколько минут молча жевали печенье и пили чай, потом Будилов отодвинул пустой стакан и заговорил, как бы продолжая начатую речь:

– Нужна не политика, а – культура, нужны сначала знания, потом деяния, а не наоборот, как принято у нас. Да. Если вы не будете пить водку и сумеете выбрать себе хорошую жену – всё пойдёт прекрасно. Табак курить тоже не надо. И читайте хорошие книги. Больше всего читайте Толстого, но – будьте осторожны! Когда он говорит: не насильничайте, не обижайте друг друга – это верно, это – голос настоящей христианской культуры, это надо принять и помнить.

Он посмотрел в светлый бок самовара, подкрутил усы и вздохнул, когда они снова опустились.

– Но – его крик: не надо государства, не надо науки – это чепуха! Без науки теперь сапога не шьют, а без государства вы мне, сударь, голову откусите. Эту философию можно читать под старость, когда у вас будут дети. Тогда, если вы и уверуете в необходимость разрушения, – всё равно, это будет безопасно для вас и для других. У вас уже будут привычки, а привычки всегда побеждают мнения и убеждения. Вы кончили пить? Пойдёмте. Спасибо, мамаша!

– Спасибо! – повторил Николай, кланяясь, и едва удержался, чтобы тоже не прибавить – мамаша.

Барин взял его двумя пальцами за рукав рубахи и повёл в парк, продолжая говорить всё более оживлённо:

– Человек должен жить скромно, ничем не гордясь, не хвастаясь, но так, чтобы все, кто вокруг него, ясно видели свои ошибки, свою глупость, жадность, а в его жизни – образец для себя.

В синем куполе неба таяло огненное солнце, потоки лучей лились на зелень парка, земля была покрыта золотыми узорами – и двое людей, тихо шагая по дорожке, были смешно и странно пёстрыми.

– Когда, батенька мой, на каждых пяти верстах квадрата будет жить разумный человек – всё будет хорошо! Нужно, чтобы везде жили люди, которые могут научить, как лучше сложить печь, чтобы она больше хранила тепла, какие яблони удобнее разводить вот в этом месте, как лечить лошадей, да...

Он снял очки и, помахивая ими, смотрел на всё вокруг, прищуривав сероватые, водянистые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.